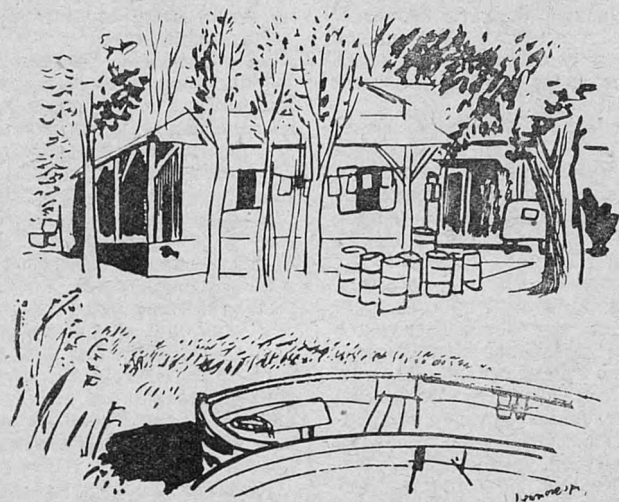

чатать афиши, программы, заменить несколько чемоданов.

Наконец, валясь с ног от усталости, мы покидаем Париж; портниха приносит прямо на вокзал последние платья; уже в Марселе я захвачу с собой программы и афиши, которые печатаются в Эксе.

Через пять дней после нашего прибытия в Нумеа мы даем наше первое представление. Нельзя сказать, чтобы это было благо-разумно. Лучше было бы переждать еще несколько дней, для того чтобы оповестить рекламой более широкие круги публики, но мы считали необходимым пригласить на представление наших друзей с «Эридана», почему и выбрали последний день стоянки парохода. В Нумеа много пессимистов, много недоверчивых людей: «Что собираются делать эти двое? Если они ради гастролей совершили столь далекое путешествие, значит они не способны заработать себе на жизнь в Париже. Они принимают нас за простачков и хотят за наш счет разбогатеть,

а уж до чего претенциозна их программа: «Сид», «Гамлет», «Дон-Жуан», «Лорензаччо»... и в исполнении всего двух актеров? Что же касается второй программы... Стихи, — так ведь это же скучно!» Нашлось все же несколько энтузиастов, искренних, пылких, деятельных. Заведующий отделом просвещения предоставляет зал в наше распоряжение, — уютный зал почти на 500 мест, очень хитро устроенный в форме полу-месяца.

Мы даем третий звонок, сердца наши отчаянно колотятся, как будто предстоит сыграть рискованную партию — «партию Тихого океана». Лизон касается моей руки, холодной как лед, несмотря на жару; у нее у самой рука немного дрожит: «Смелее!» Выхожу на сцену. Лизон наводит на меня луч света. Эффект удался, я это чувствую, я угадываю это по едва слышному шопоту в зале. Вскоре нарастает бурная реакция, и она подбадривает меня. Голос у Лизон срывается, когда она выходит на сцену, но и она скоро овладевает